

что такое производство имело место в конце X в., новоизученный киевский эту дату удревает примерно на 50 лет. В тот период, в середине X в., в разных странах Европы множились настойчивые попытки изготавливать собственные мечи, не довольствуясь их импортом из Западной Европы. В самом Каролингском государстве выдвинулись новые кузнецы-оружейники и мастерские, где клеймили свою продукцию различными латинскими именами. Этот процесс своеобразно, как можно установить, коснулся и Руси и привел к появлению мечедельных кузниц во главе с грамотными славянскими мастерами. Во внешней отделке мечей они придерживались общеевропейских форм, но, нарушив признанную традицию, прибегли к собственной оригинальной маркировке выпускаемых изделий. По-видимому, киево-русские мечедельцы считали свои изделия конкурентоспособными по отношению к рейнским кузнецам. Пока трудно судить о масштабах местного клинкового производства. Его существование начинает улавливаться для той поры, когда в связи с проникновением христианства меняется обряд погребения и мечи, равно как и другое оружие, перестают класть в могилы. Находки оружия, каковое было присуще языческим некрополям, сокращаются, приобретая все более случайный характер. Несмотря на оскудение наших источников, по отдельным, пусть разрозненным, фактам устанавливается, что во второй половине X—начале XI в. мечи существовали на Руси и дополняли привозные. Все вместе они удовлетворяли потребности в оснащении дорогостоящим клинковым оружием свободных членов общества: знати, дружинников, купцов, состоятельных горожан, чинов государственной администрации.

Славянский автограф на киевском мече предполагает определенный временной промежуток, прежде чем кузнец стал воспроизводить буквенную надпись, воспринятую из письменной культуры и перенесенную в ремесленную. Такое преобразование могло произойти в течение первой половины X в., когда на Руси ширилось использование кириллической грамоты. Вопрос о внедрении славянской письменности на Руси дискуссионен, но ныне накапливается все больше данных для его положительного решения по отношению к событиям X столетия. Как известно, славяно-русские рукописи X в. не сохранились, и о первоначальном развитии письменности в Восточной Европе можно судить по памятникам эпиграфики. Их немного, достоверные — не старше последней четверти X в.¹⁰ Отметим корчагу с надписью ГОРОУХЦА (предлагаются и другие варианты прочтения, датировка: первая половина и середина X в.), некоторые деревянные цилиндры-замки из Новгорода (970—980 гг.), сребреники и златники первоначального чекана великого князя Владимира Святославича (конец X—начало XI в.).¹¹

Кроме того, на изделиях X в. встречены отдельные кириллические буквы. В этой связи обращают внимание граффити на дирхемах, некоторые из которых представляют, по нашему мнению, кириллические буквы в их цифровом значении. На монетах процарапаны знаки З, И, К, Л, М, Н, У, Х и их комбинации. Эти знаки, если их сопоставить с цифровым, буквенным письмом, могут иметь счетный, измерительный или оценочный смысл.¹² Без цифровых обозначений масштабные торговые операции, которые имели место в Восточной Европе, были бы просто неосуществимы. О развитии письменности в городской среде свидетельствуют также стили-писала, самые

¹⁰ Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI—XV вв. СПб., 1992. С. 24 и след.

¹¹ Там же. С. 27—30, Медынцева А. А. Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // СА. 1984. № 4. С. 49 и след.

¹² Кирпичников А. Н. Письмена на серебре // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. С. 237—240.